

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-271-273

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

КУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСУМ ПЕРЕВОДОВ Н. М. КАРАМЗИНА*

Всякий, кто знаком с биографией Карамзина, знает, сколь важную роль в его формировании как писателя сыграли переводы. Первоначально они предпринимались Карамзиным под влиянием Н. И. Новикова и его единомышленников, отражали царившие в этом кругу настроения, затем же, с течением времени, и в подборе авторов, и в тематике все больше проявлялись интересы самого Карамзина, его приоритеты и ценности. Рассматриваемая монография О. Б. Кафановой «Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум» продолжает длительную традицию, являясь синтезом многочисленных статей самой исследовательницы, а также работ ее предшественников (П. Н. Беркова, П. А. Гринцера, Р. Ю. Данилевского, П. Р. Заборова, Ф. З. Кануновой, Н. Д. Кочетковой, Э. Г. Кросса, Ю. Д. Левина, В. И. Маслова и др.). В книге рассмотрены первые восемнадцать лет переводческой деятельности Карамзина — с 1783 по 1800 год.

В первой части монографии, озаглавленной «Годы учения», лишь вскользь упомянуты сочинения К. Х. Штурма и И. Ф. Тиде (степень участия Карамзина в их переводе до конца не ясна), а также прозаический перевод поэмы С. Геснера «Деревянная нога». При этом подробнее, в соотношении с подлинником, рассматриваются «Вечера в замке» («Les Veillées du château») С. Ф. де Жанлис, переводы которых названы Кафановой «переводами для сердца»; они были напечатаны в 1787–1788 годах в журнале «Детское чтение для сердца и разума». Рамочное повествование «Вечеров в замке» перенесено Карамзиным в подмосковное село Уединенное, где встречаются и беседуют госпожи Добролюбова и Правосудова, «пожилой студент» Своемыслов, господ Любов, Сохин и др. А в «Истории герцогини Ч***» Карамзин позволяет себе даже переменить концовку. «Для разума» же Карамзин переводил, по мнению Кафановой, отзывы из «Созерцания природы» Ш. Бонне. Стоит пожалеть, что в главе не фигурирует имя А. А. Плещеева, о сотрудничестве с которым, при переводе этой

книги, Карамзин сообщал самому Бонне в письме от 21 января 1790 года (в «Письмах русского путешественника» приведен его текст с датой «22 января» и без раскрытия имени Плещеева).¹

Кафановой удалось установить, что Карамзин переводил «Юлия Цезаря» Шекспира с немецкого перевода И. И. Эшенбурга, а не с французского П. Летуэрнера, как считалось ранее. Ей также принадлежит наблюдение о том, что в предисловии к трагедии русским писателем была использована статья К. М. Виланда. Кафанова выявляет «карамзинскую составляющую» этого текста, делает существенные наблюдения о «шекспиризме» писателя. Завершает первую часть монографии глава об «Эмили Галотти» Лессинга.

Часть вторая «„Московский журнал“: переводы в роли отсутствующих сотрудников» читается с неизменным интересом, хотя ее название вызывает некоторое удивление. Карамзин, конечно же, был душой и главным вкладчиком этого эпохального издания, но он не был одинок. Его поддерживали своим участием в журнале Г. Р. Державин, Д. И. Дмитриевский, А. И. Дмитриев, И. И. Дмитриев, В. В. Капнист, П. М. Карабанов, Ф. П. Ключарев, Н. А. Львов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, А. А. Петров, В. С. Подшивалов, И. П. Тургенев, М. М. Херасков и ряд других литераторов. Убедителен общий вывод Кафановой о том, что ориентирами при создании журнала нового типа были для Карамзина «два Меркурия» — «Mercure de France» (1724–1820) и «Der Neue Teutsche Merkur» (1773–1810); второй из них издавался Виландом. Эти два журнала, как и ряд других западноевропейских печатных органов, были фронтально просмотрены Кафановой на предмет выявления источников карамзинских переводов. Исследовательнице, вооруженной этой информацией, удастся сделать ряд важных наблюдений о приемах и вкусах русского

* Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. 356 с. Книга посвящена памяти Ю. Д. Левина.

¹ Gellerman S. Karamzine à Geneve. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe // Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Coehrer, R. Kemball. Basel; Frankfurt a/M., 1991. S. 81–82.

писателя. Весьма показательно, например, что, переводя из «Сентиментального путешествия» Стерна историю Марии,² Карамзин сознательно опустил имя несимпатичного ему, «грубого» Рабле, а также придал повествованию «сентиментально-меланхолическую тональность». К иронии Стерна Карамзин оказывается мало восприимчив. В то же время весьма существенно, что именно симпатия к Стерну побуждает Карамзина все чаще переводить с английского, совершенствуясь в этом языке. В целом же Кафанова не без оснований видит в переводах из европейских авторов развернутое широким фронтом утверждение эстетики сентиментализма: это и «слезные повести», и «нравоучительные сказки» (Ж. Ф. Мармонтель, Ж. П. К. Флориан, А. Ф. Ф. Коцебу), и статьи по эстетике (Ф. Л. Бутовек, Х. Гарве, К. Ф. Мориц, И. А. Эберхард), и портреты «чувствительных авторов» (Виланд, С. Геснер, Ф. Г. Клопшток и др.), заимствованные у Л. Мейстера, и рецензии на представления западноевропейских театров.

Тяга к экзотике, желание представить чувствительность как универсальное свойство всех народов сказывается в интересе к литературе путешественников как подлинных (И. В. Архенголл, Ф. Ле Вальян, Мориц), так и вымышленных (Ж.-Ж. Бартеlemi), в выборочном переводе из «Саконталы» Калидасы (с немецкого комментированного издания Г. Форстера), в оссанических темах, заявляющих о себе на страницах «Московского журнала». После обзора переводов, помещенных здесь, Кафанова подводит итог своим размышлениям о сложившемся к тому времени переводческом методе писателя, соотнося его с высказываниями и практикой его наиболее влиятельных европейских предшественников XVII–XVIII веков.

Две заключительные части монографии — «Переводы в кризисные годы (1793–1798)» и «„Пантеон иностранной словесности“ (1798): межкультурный дискурс» — посвящены переводческой деятельности Карамзина в годы, когда он, после якобинского террора, производил пересмотр прежних политических идеалов. Вряд ли можно согласиться с оброненным вскользь суждением Кафановой о том, что «переводы в это время стали своего рода прибежищем Карамзина, особенно в период наиболее острого разочарования в культурно-исторических событиях 1793 г.» (с. 200). Достаточно упомянуть, что альманах «Аглая» (1794–1795; кн. 1–2) создавался как печатный орган, в котором должны были печататься «одни лишь русские сочинения»,³ и что Карамзин помещил в нем немало собственных произведений. Скорее, из изложения Кафановой напрашивается вывод о том, что и в эти годы переводческая деятельность Карамзина остается важ-

нейшей составляющей его творчества, а отбор авторов и специфика их сочинений дают важный материал для характеристики его умонастроенный этого периода. Конечно, и сами переводческие предприятия этих лет были весьма различны: ведя в 1795 году раздел «Смеси» в «Московских ведомостях», Карамзин обращался к газетам и журналам, извлекал из них нечто броское, яркое, запоминающееся, но в то же время и информативное. Задачи создания художественной психологической прозы нового типа, как и в его собственных повестях, решались писателем при работе над двухтомником Ж. Ф. Мармонтеля⁴ и над «Зюльмой» Ж. де Сталь.⁵

Третья и четвертая части монографии предлагают, на мой взгляд, материал различной степени увлекательности, ибо не все источники, не все конкретные издания, с которыми работал Карамзин, установлены Кафановой и ее предшественниками. В тех случаях, когда они известны, исследовательница выступает во всеоружии, сопоставляя разноязычные тексты и демонстрируя особенности обращения Карамзина с претекстами. Так, с неизменным интересом читается глава о «Зюльме» госпожи де Сталь, подвергнутой Карамзиным разного рода «корректировкам» и переименованной в «Мелину». С воодушевлением пишет Кафанова о «Новых Мармонтелевых повестях», полагая, что сам их отбор, не говоря о других аспектах, приводит к возникновению в переводной книге иного цикла, с иной типологией любовных ситуаций, с иными акцентами, с ослабленной нравовательностью.

Выявив значительное число конкретных публикаций, ставших источниками переводов в «Пантеоне иностранной литературы» (М., 1798. Кн. 1–3) из европейской литературы Нового времени, в частях «античной» и «восточной» Кафанова не имеет возможности проследить, какие именно издания были под рукой у Карамзина, что лишает изложение детальности и убедительности, которые видим в тех случаях, когда она подобными знаниями обладает. Заводя речь о переводах из древних (Цицерон, Саллюстий, Тацит), исследовательница высказывает лишь следующее предположение: «При переводе Карамзин, по-видимому, пользовался готовой антологией (немецкой или французской?)» (с. 244).

Кафанова выявляет отдельные самоценные «сюжеты» в «Пантеоне». Одна из глав четвертой части озаглавлена «Дискуссия об Оссиане», хотя «дискуссия» эта была особого рода: Карамзин перевел анонимную рецензию из «Энциклопедического журнала» («Magasin encyclopédique»), содержащую критический разбор перевода на французский язык сборни-

² Московский журнал. 1791. Май. Ч. 2. Кн. 2. С. 179–189.

³ [Карамзин Н. М.]. От сочинителя // Аглая. 1794. Кн. 1. С. 144; ср.: Аглая. 1795. Кн. 2. С. 6.

⁴ Мармонтель Ж. Ф. Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным / Пер. с фр. М., 1794–1798. Ч. 1–2 (2-е изд.: М., 1815. Ч. 1–2; 3-е изд.: М., 1822. Ч. 1–2).

⁵ [Сталь А. Л. Ж.]. Мелина / Пер. с фр. М., 1796 (2-е изд.: М., 1798; 3-е изд.: М., 1802).

ка «Гэльские древности» («Galic antiquities», 1780) известного английского филолога Джона Смита (1747–1807). В текст рецензии он внес ряд изменений, отражавших его разочарование в «оссианической поэзии». Особое внимание уделено опубликованным в «Пантеоне» сочинениям Бенджамина Франклина, интерес к личности которого проходит через все творчество Карамзина. В заключительной главе четвертой части «Век Просвещения в Европе: Франция и Англия» делается вывод о правомерности рассмотрения трехтомного «Пантеона» как «своего рода журнала одного автора», вступавшего в диалог с читателем посредством переводов из других авторов.

Заканчивает монографию раздел приложений, включающий: библиографию переводов Карамзина с 1783 по 1800 год, список использованной научной литературы и именной указатель. Первый из этих материалов, опубликованный еще в 1989 году,⁶ является ключом к книге, его концентрацией *in nuce*, почему и заслуживает специального разговора. Библиография переводов Карамзина содержит разделы: 1. Отдельные издания; 2. Журнальные публикации;⁷ 3. Сборники переводов.

⁶ Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 319–337.

⁷ Здесь находим следующие подразделы: «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), «Московский журнал» (1791–1792), «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (1796–1799), «Московские ведомости» (1795), «Муза» (1796), «Пантеон иностранной словесности» (1798). Строго говоря, вряд ли к журналам можно причислить газету «Московские ведомости», альманах «Аони-

В третьем из них всего одна позиция: «Новые Мармонтелевы повести» (М., 1794–1798. Ч. 1–2), которую, на мой взгляд, было бы уместнее поместить в разделе первом, ведь это тоже «отдельное издание». Важнейшей заслугой Кафановой следует признать составление второй части библиографии переводов Карамзина — многие годы она потратила на поиск источников, предприняв фронтальный просмотр ведущих франко- и немецкоязычных журналов за релевантные годы («Allgemeine Deutsche Bibliothek», «Bibliothèque Britannique», «Deutsche Monatsschrift», «Magasin Encyclopédique», «Mercure de France», «Der Neue Teutsche Merkur» и др.).

Изменившаяся информационная ситуация, обширные электронные библиотеки, несомненно позволяют еще продолжить работу по поиску источников переводов Н. М. Карамзина (часть из них мною уже уточнена, о чем я собираюсь написать отдельно). При этом книга Кафановой, в основу которой положены многолетние разыскания, — несомненно определенный рубеж, завершающий длительный период изучения этой грани литературной деятельности выдающегося русского писателя. Благодаря монографии Кафановой наглядно предстает круг литературных приоритетов Карамзина, его переводческие и переложительские техники и стратегии, его просветительские интенции, его широкая осведомленность в западноевропейской словесности, его интерес к Востоку, Африке и Новому Свету, а также те пути, на которые он устремлял отечественную литературу, и те горизонты, которые перед ней открывал.

ды», сборник «Пантеон иностранной словесности», поэтому этот раздел скорее заслуживал названия «Публикации в периодике».

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-273-276

© В. С. Отяковский

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ КАК ПОЗДРАВЛЕНИЕ*

Тысячестраничный том — фestsриффт, подарок к 60-летию известного слависта Майкла Вахтеля, одного из ведущих американских пушкинистов и специалистов по творчеству Вяч. Иванова. В книге собраны тексты разных форматов от заметки в четыре страницы до публикации в сто пятьдесят. Сборник двуязычный (13 статей на английском и 28 — на

* Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by L. Fleishman, D. M. Betha, I. Vinitzky. Berlin: Peter Lang, 2020. 996 p.

русском), в нем представлены исследователи славистических школ разных стран и континентов. Широту охвата «Непризнанных законодателей» подчеркивает большой хронологический разброс представленных тем — от Золотого века до позднего модернизма. Несмотря на это, книге удается сохранить цельность, чему способствует общий фактологический характер подавляющего большинства разысканий: публикации и комментарии здесь преобладают над интерпретациями. В фestsриффте отсутствует рубрикация, статьи можно мысленно относить к разделам, так или иначе напоминающим о специализации юбиляра: ядро